

МЕДЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ

УДК 821.161.1-31(Карамзин Н. М.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444

ГСНТИ 17.07.41

Код ВАК 10.01.01

А. Н. Кудреватых
Екатеринбург, Россия

«ФРОЛ СИЛИН, БЛАГОДЕТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК» Н.М. КАРАМЗИНА: ПРОБЛЕМА ЖАНРОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ

Аннотация. Настоящая статья представляет собой попытку осмысления жанрового своеобразия одного из ранних произведений Н. М. Карамзина — «Фрол Силин, благодетельный человек». Опираясь на мнения литературоведов, автор делает вывод о дискуссионности поставленной в статье проблемы и предлагает ее решение. В центре внимания оказывается панегирик как один из жанров ораторской прозы. Выявить его признаки — такова одна из задач данной статьи. В качестве основных аспектов, в которых рассматривается похвальное слово, выбираются особенности его поэтики. От теории автор статьи переходит к анализу текста в жанровом аспекте. Во «Фроле Силине» восхваляется простой человек и изображаются его деяния. Именно объектом воспевания труд Карамзина отличается от традиционного классицистического панегирика. Такой выбор героя, с точки зрения автора статьи, обусловлен традицией сентиментализма. Очевидно, что форма панегирика оказалась удобна для утверждения нового идеала естественного человека. В ходе анализа произведения «Фрол Силин, благодетельный человек» автор доказывает, что перед нами сентиментальное похвальное слово.

Ключевые слова: русская литература, литературные жанры, жанровое своеобразие, похвальные слова, панегирик, ораторская проза.

A. N. Kudrevatykh
Yekaterinburg, Russia

«FROL SILIN, BENEFICENT MAN» BY N. M. KARAMZIN: THE PROBLEM OF GENRE IDENTITY

Abstract. This paper is an attempt to understand the problem of genre identity of one of the earliest works of N. M. Karamzin — «Frol Silin, Beneficent Man». Relying on researchers' opinions, the author concludes the discussion of this issue, and seeks to define the genre of «Frol Silin». The focus is the eulogy as one of the genres of oratorical prose. To identify its features is one of the goals of the article. As the main aspects of studying eulogy the peculiarities of its poetics were selected. In «Frol Silin» a simple man is praised and his actions are portrayed. It is an object of chanting that differ the Karamzin's work from the traditional classic panegyric.

As the author of the article suggests, the choice of a character is caused by the tradition of sentimentalism. It is obvious that the shape of panegyric was convenient for the approval of a new ideal of the natural man. In his analysis the author argues that «Frol Silin, Beneficent Man» is a sentimental eulogy.

Keywords: Russian literature, literary genres, genre originality, eulogy, oratorical prose.

«Фрол Силин, благодетельный человек» (1791) — произведение непростое, прежде всего, в жанровом отношении. Многие исследователи называют его «повестью», между тем как сам автор решительно осудил это мнение. «Забавно, — писал он, — что Коафье описание добрых дел Фрола Силина выдает также за повесть» [Вестник Европы 1803: 231].

В. П. Степанов отмечает неоднозначность определения жанра карамзинского произведения и называет его анекдотом, а иногда «маленькой прозаической “пьесой”»: «О том, что в жанровом отношении “Фрол Силин” находится на зыбкой грани между анекдотом и повестью, свидетельствует примечание Н. И. Греча к перепечатке этого произведения Карамзина в «Избранных местах из русских сочинений и переводов в прозе» (1812)» [Степанов 1969: 230, 244.]. По мнению исследователя, эстетическая задача не была приоритетной для Карамзина в период работы над произведением: «... значение “Фрола Силина” определялось для Карамзина не художественными достоинствами, и он прямо противопоставлял этот анекдот, “описание добрых дел”, жанру повести, в которой, с его точки зрения, значительное место должен занимать элемент художественного вымысла — “сказкой” называл Карамзин даже “Марфу Посадницу”» [Степанов 1969: 230].

В. В. Сиповский называет данное произведение повестью: «“Фрол Силин, благодетельный человек”, повесть того же Н. Карамзина, начинается с патетического восклицания» [Сиповский 1910: 734]. А иногда в рассуждениях исследователя появляется совсем оригинальное определение жанра «Фрола Силина»: «Вся эта характерная повестушка-анекдот представляет собою образец романизации действительного факта» [Сиповский 1910: 736]. Н. Л. Вершинина, в свою очередь, определяет жанр «Фрола Силина» как нравоописательный очерк [Вершинина 1999: 38].

Специально поставив вопрос о жанровой специфике карамзинского произведения, П. А. Орлов в результате глубокого анализа пришел к выводу, что «Фрол Силин» — не повесть, не анекдот, а похвальное слово — жанр чрезвычайно распространенный в литературе классицизма, героями которого были монархи, вельможи, полководцы: «Поднимая в глазах общества крестьянина как личность, Карамзин вводил его в жанр, не предусмотренный для этой цели предшествующей традицией. Это было вызовом, почти дерзостью по отношению к классицистической поэтике» [Орлов 1977: 216–217]. В качестве доказательства своей правоты исследователь предпринимает сравнительный анализ сюжетно-композиционной основы произведения, выдержан-

ного в традиционной форме и не вызывающего никаких сомнений в своей жанровой природе («Слово похвальное... Петру Великому» М. В. Ломоносова и «Фрол Силин» Н. М. Карамзина). В итоге предпринятого анализа П. А. Орлов убедительно доказывает, что перед нами именно похвальное слово (панегирик), в котором «<...> нет сюжета, а есть лишь факты, подтверждающие похвалу, расположенные в порядке простого следования друг за другом» [Орлов 1977: 218]. Так, в начале произведения автор оповещает читателя о предмете восхваления. Уже здесь трижды варьируются слова «прославляют», «хвалят», «хвалят», в достаточной степени указывающие на жанр. Во второй части «Фрола Силина», которая является основной, говорится о великодушных поступках героя. Именно здесь представлены аргументы и доказательства в пользу того, что Фрол Силин достоин восхваления. В последней части Карамзин говорит о праве восхваляемого на благодарную память потомства: «Славнейшая нация в Европе посвятила великолепный храм мужам великим <...> которые удивляли нас своими дарованиями <...> Но без слез сердечных не прошел бы я мимо храма, посвященного добрым гениям человечества, — и в сем храме надлежало бы соорудить памятник Фролу Силину» [Карамзин 1794: 105]. Нам аргументы П. А. Орлова в пользу такой интерпретации жанровой специфики «Фрола Силина» представляются убедительными, но требующими уточнения.

Присмотримся к жанру похвального слова (или панегирика). Д. Д. Благой приводит следующее определение: «панегирик — торжественно хвалебная речь в честь некоего лица или события, произносимая перед большим собранием. В др. Греции Панегирики произносились обыкновенно на всех народных торжествах, напр., во время Олимпийских игр и т.п.» [Благой 1925].

Известно, что еще Аристотель выделял три рода красноречия: «естественными являются три рода риторических речей: совещательные, судебные и эпидиктические. Дело речей совещательных — склонять или отклонять, потому что как люди, которым приходится совещаться в частной жизни, так и ораторы, произносящие речи публично, делают одно из двух [или склоняют, или отклоняют]. Что касается судебных речей, то дело их — обвинять или оправдывать, потому что тяжущиеся всегда делают непременно одно что-нибудь из двух [или обвиняют, или оправдываются]. Дело эпидиктической речи — хвалить или порицать» [Аристотель 2000: 8].

Эпидейктическое, в зависимости от установки оратора и объекта речи, могло выливаться как в панегирик (прославление), так и в хулу (обличение).

Т. Анисимова и Е. Гимпельсон в своем пособии по риторике отмечают, что эпидейктическая речь — это торжественная речь по случаю, имеющая своей целью создание у адресата определенного эмоционального состояния, определенного настроения — чувства удовольствия, наслаждения, гордости, радости или, напротив, чувства гнева, презрения, негодования [Анисимова, Гимпельсон 2002: 279].

По мнению О. Б. Лебедевой, примером этого жанра могут служить проповеди Феофана Прокоповича. Нам важной представляется мысль о двойственной природе интересующего нас жанра: «Как ораторские жанры, проповедь и светское ораторское Слово принадлежат к двум направлениям словесного искусства: литературе (поскольку и проповедь, и Слово являются текстами) и красноречию (поскольку тексты эти рассчитаны на устное произнесение перед слушателями). Этой двойственностью обусловлены законы поэтики ораторских жанров, предопределяющие их структуру, композицию, форму выражения мысли и типологию художественной образности» [Лебедева 2003: 30].

Исследовательница отмечает, что «светское Слово тоже произносится по поводу и на случай, но повод и случай для него — это крупные исторические события, касающиеся государства и нации в целом. Ср. название проповедей Феофана Прокоповича: «Слово похвальное о битве Полтавской...» (1717, произнесено по случаю годовщины Полтавской битвы); «Слово о власти и чести царской» (1718, поводом для него послужило раскрытие заговора церковников против Петра и суд над царевичем Алексеем); «Слово похвальное о флоте российском...» (1720), «Слово на погребение <...> Петра Великого...» (1725); «Слово на похвалу блаженный и вечнодостойный памяти Петра Великого...» (1725)» [Лебедева 2003: 31].

Поэтика похвального Слова определяется его особой природой: «Слово — это жанр диалогичный, поскольку, формально будучи монологом, оно всегда ориентируется на воспринимающее сознание, к которому прямо обращено. Обращенность реализована в тексте ораторского жанра тройственным образом: 1) обязательным обращением в зачине к слушателям; 2) регулярным употреблением личного местоимения в формах множественного числа (мы, нам, наш), что подчеркивает наличие контакта между оратором и аудиторией и уподобляет мнение оратора мнениям его слушателей; 3) многочисленными риторическими вопросами и риторическими восклицаниями, которые разнообразят интонацию ораторской речи, уподобляют ее формально-монологический текст диалогу (вопросно-ответная структура речи) и выражают сильные эмоции оратора, которые должны передаться аудитории» [Лебедева 2003: 31]. Похвальное слово отличается особой композицией и предполагает следующие обязательные элементы: обращение к слушателям, формулировка тезиса, его развитие и доказательство в системе аргументов, вывод, повторяющийся в своей формулировке начальную посылку, финальное обращение к слушателям.

Интересно, что традиционная форма наполняется у Н. М. Карамзина новым содержанием. Так, в похвальном слове петровского времени главным предметом изображения являлось важное, крупное историческое событие или государственное лицо (ср. «Слово похвальное о битве Полтавской...» (1717), «Слово на погребение <...> Петра Великого...» (1725) Феофана Прокоповича и др.).

«Фрол Силин» открывается обязательной для Слова частью — вступлением: «Пусть Вергилии

прославляют Августов! Пусть красноречивые льстецы хвалят великодушие знатных! Я хочу хвалить Фрола Силина, простого поселянина, и хвала моя будет состоять в описании дел его, мне известных» [Карамзин 1794: 98]. Здесь обозначается не только объект, целевая установка, но и форма, в которой будет восхваляться герой.

Несмотря на то, что Фрол Силин — обычный крестьянин, важность его поступков для автора отнюдь не умаляется. Напротив, именно на таких людях основано благополучие общества. Как справедливо указывает Д. Д. Благой, Карамзин фактически вводит в русскую литературу новое представление о подлинной героике и новый тип подлинного героя: «<...> в лице “чувствительного” деревенского богатея Фрола Силина, разбогатевшего только оттого, что он был “трудолюбивым поселянином, который всегда лучше других обрабатывал свою землю”, рисует истинного и бескорыстного благодетеля крестьян — “друга человечества”» [Благой 1951: 645].

Во «Фроле Силине» воспевается простой человек, и изображаются его деяния, не определяющие исторических судеб нации или государства. В этом и заключается главная цель данного произведения. Именно объектом восхваления труд Карамзина отличается от традиционного панегирика.

Такой выбор героя, с нашей точки зрения, обусловлен традицией сентиментализма. Именно в этом направлении утверждалась внесловесная ценность человека, а идеалом становился естественный человек (крестьянин, поселянин). Присмотримся к нему внимательнее.

Для нас важно отметить то, что главным героем, являясь крестьянином, интересен автору как личность, писатель стремится раскрыть именно его характер. Уже в самом названии присутствует эпитет «благодетельный» — таким образом, с одной стороны, дается своеобразная характеристика герою, а с другой — обозначается авторская задача: воспевание душевных качеств и обусловленных ими деяний Фрола Силина. Обычно авторов похвальных слов мало интересуют рядовые, «негосударственные» поступки государственных деятелей. У Карамзина же именно они являются главным проявлением особенностей человеческой души. Вот почему основным приемом раскрытия характера героя становится описание его добродетельных поступков. Но это именно прием, помогающий раскрыть человеческие качества. Так, например, читаем о герое следующее: «Фрол Силин, трудолюбивый поселянин, который всегда лучше других обрабатывал свою землю, всегда более других сбирал хлеба и никогда не продавал всего, что сбирал. <...> Но осторожность была не единственною его добродетелию» [Карамзин 1794: 100]. Именно особенности житейского поведения Фрола помогают читателю увидеть такие его качества как трудолюбие и «осторожность». Вот почему писатель каждое описание поступка сопровождает замечанием о том, какое именно качество в нем (поступке) проявилось: «Вместо того чтобы продавать хлеб свой по дорогой цене и, пользуясь случаем, разбогатеть вдруг, он созвал беднейших из жителей своей деревни и сказал: “Послушайте,

братцы! Вам теперь нужда в хлебе, а у меня его много; пойдем на гумно; пособите мне обмолотить скирда четыре и возьмите себе, сколько вам надобно на весь год». Крестьяне остолбенели от удивления — ибо и в городах и в селах великодушие есть редкое явление!”» [Карамзин 1794: 101]. В данной ситуации Силин повел себя как великодушный человек: помог бедным семьям.

Доброта, способность сочувствовать и великодушие — ведущие качества, составляющие основу характера Фрола, это подчеркивается практически всеми его поступками. Так, например, он никогда не отказывал просящим у него нуждающимся людям: «Бедные из других жительство приходили к нему и просили хлеба. Добрый Фрол называл их братьями своими и ни одному не отказывал» [Карамзин 1794: 101]. Именно эти качества, с точки зрения сентименталистов, являются ключевыми для естественного человека.

В соответствии с традицией похвального Слова именно описание благодетельных, прославляющих героя поступков составляет основное содержание произведения Карамзина. Автор рассказывает о многочисленных ситуациях, в которых очень ярко проявились названные выше качества Фрола: «В одной соседней деревне сгорело четырнадцать дворов; Фрол Силин послал на каждый двор по два рубля денег и по косе» [Карамзин 1794: 103]. Когда он не мог помочь бедным деньгами и хлебом, то отдал свою «лишнюю» лошадь: «Поселяне, лишенные почти всего имущества своего, прибегнули к известному великодушью Фрола Силина. На тот раз не было у него денег. “У меня есть лишняя лошадь, — сказал он, — возьмите и продайте ее”» [Карамзин 1794: 103]. «На имя господина своего купил он двух девок, выпросил им отпускные, содержал их, как дочерей своих, и выдал замуж с хорошим приданым» [Карамзин 1794: 103–104].

Мы видим, что писатель показывает своего героя-крестьянина в живой деятельности. Ему не интересно просто назвать, обозначить чувство или качество героя. Карамзин стремится показать эти качества в их жизненных проявлениях, в пластике.

Интересен и тот факт, что благодетельные поступки совершенные Фролом Силиным пробуждают ответную доброту в других. Таким образом, он оказывает психологическое воздействие на окружающих людей. В итоге перед нами выстраивается идеальная картина человеческого характера по Карамзину.

В данном произведении Карамзин вводит образ автора, душа которого тоже побуждается к добрым поступкам и чувствам благодаря общению с Фролом. В традиционном похвальном слове обязательно присутствие оратора, который говорит от лица «мы». Он устанавливает контакт с аудиторией и уподобляет свое мнение мнению слушателей.

В произведении Карамзина автор тоже устанавливает контакт с читателями: «Щадя нежное сердце моего читателя, не хочу описывать ему ужасных сцен сего времени. Я жил тогда в деревне близ Симбирска, был еще ребенком, но умел уже чувствовать, как большой человек, и страдал, видя страдания моих ближних» [Карамзин 1794: 99].

Это, несомненно, добрый и чувствительный человек, эмоционально реагирующий на происходящие вокруг него события: «По сие время не могу я без содрогания вспомнить того страшного года, который живет в памяти у Низовых жителей под именем голодного <...>» [Карамзин 1794: 98]. Автор представляет предполагаемые ситуации, в которых он хотел бы выразить свое восхищение благодетельным человеком: «Когда буду в местах, тобою украшаемых, то с благоговением приближусь к твоей хижине и поклонюсь добродетели в лице твоём. Но если не найду тебя живого, то велю проводить себя ко гробу твоему и на бесчувственную землю пролью слезу чувствительности; сышу белый камень, положу его на твою могилу и собственной рукою вырежу на нем слова сии: "Здесь покоится прах благодетельного человека"» [Карамзин 1794: 104–105]; «Но без слез сердечных не прошел бы я мимо храма, посвященного добрым гениям человечества, — и в сем храме надлежало бы соорудить памятник Фролу Силину» [Карамзин 1794: 105].

Как видим из приведенных цитат, самое главное отличие автора в произведении Н. М. Карамзина от оратора в похвальном Слове заключается в том, что он выдвигает на первый план свое личное мнение, свое «я». В этом прослеживается связь с сентиментальной традицией и повестями русского сентименталиста.

Важность «Фрола Силина» несомненна. Фактически Карамзин ввел в литературу новый тип положительного героя и попытался сформировать новое представление о сущности подлинной героичности. Тем самым менялась концепция того идеала, который предлагался читателю. Выбранная писателем жанровая форма получала принципиально новое значение. Характерно, что современники поняли это не сразу. Подобно «Бедной Лизе», «Фрол Силин» вызвал множество подражаний, о чем упоминалось в литературоведении неоднократно («Великодушный крестьянин» [Приятное и полезное препровождение времени 1794], «Извозчик» [Приятное и полезное препровождение времени 1798], «Анекдот» [Иппокрена 1799], «Быль» [Журнал российской словесности 1805], «Письмо к издателю» [Журнал российской словесности 1805], «Великодушный поступок сибирского крестьянина Макарова» [Цветник 1810] и многие другие). Но жанровую форму «Фрола Силина» никто из подражателей не использовал: «Подражания представляют собой не похвальную речь, а то, что можно назвать очерком, "известием" или, следуя духу времени, "анекдотом"» [Орлов 1977: 219; см. также Сиповский 1910: 737–739 и др.]. По-видимому, подражатели не до конца поняли задумку Карамзина, тот переворот в восприятии простого человека, который он совершил. Тем не менее, как отмечает В. В. Сиповский, появление «Фрола Силина» и впечатление, им произведенное, «создало целую литературу различных "известий" о героизме таких "маленьких людей <...>", повлияло на создание целого направления <...>» [Сиповский 1910: 737–739].

В результате анализа можно сделать вывод, что в основе «Фрола Силина» Карамзина лежит вполне оформившаяся сентименталистская концепция мира

и человека, что приводит к четко проявленной дистанцированности писателя от классицистических жанровых установок. Используя жанр, традиционный для классицизма, писатель переосмысливает его в сентименталистском духе. В целом форма панегирика оказалась удобна для утверждения нового идеала естественного человека. Однако Карамзин освобождается от дидактизма, открытой назидательности, умозрительной схематичности, заданности характеров и стремится идти к художественной достоверности от картин частной жизни. Важную роль играет введение в сюжет произведения образа автора-повествователя, внутренний мир которого также становится объектом художественного изображения.

Главный герой — объект воспеания, вполне соответствует сентиментальной традиции. Образец чувствительного человека представлен и образом автора-повествователя.

Таким образом, произведение «Фрол Силин, благодетельный человек», с нашей точки зрения, представляет собой необычное жанровое образование — сентименталистский вариант похвального Слова (панегирика).

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимова Т., Гимпельсон Е. Современная деловая риторика. — 2002. — 409 с.
- Аристотель Поэтика. Риторика. — Санкт-Петербург: Азбука, 2000. — 348 с.
- Благой Д. Д. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х т. / под редакцией Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. — М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925.
- Благой Д. Д. Карамзин и его школа // Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века: учеб. пособие. — М.: Учпедгиз, 1951. — С. 626–675.
- Вершинина Н. Л. Особенности беллетристической рецепции повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» в эпоху 1830–1840-х годов (идиллично-анекдотический контрапункт) // Карамзинский сборник: Повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»: проблемы изучения и преподавания: сб. ст. / Ульянов. гос. пед. ун-т им. И. Н. Ульянова; отв. ред. И. Н. Шаврыгин. — Ульяновск, 1999. — С. 29–50.
- Вестник Европы. — 1803. — Ч. VII. — № 3.
- Журнал российской словесности. — 1805 — № 3.
- Иппокрена. — 1799 — ч. IV.
- Карамзин Н. М. Фрол Силин, благодетельный человек // Карамзин Н. М. Мои безделки. — М.: Университет. тип. у Ридигера и Клаудия, 1794. — Ч. I. — С. 98–106.
- Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века: учебник. — М.: «Высшая школа» 2003. — 415 с.
- Орлов П. А. Жанр произведения Н. М. Карамзина «Фрол Силин, благодетельный человек» // Русская литература. — 1976. — № 4. — С. 189–191.
- Орлов П. А. Русский сентиментализм. — М.: Изд-во МГУ, 1977. — 270 с.
- Приятное и полезное препровождение времени. — 1794. — Ч. I.
- Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа: в 2-х т. — СПб.: тип. Спб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1909–1910. — Т. I. — Ч. 2 (XVIII век). — 951 с.
- Степанов В. П. Повесть Карамзина «Фрол Силин» // «XVIII век»: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. — Л.: Наука, 1969. — Сб. 8. — С. 229–244.
- Цветник. — 1810 — № 3.

REFERENCES

- Anisimova T., Gimpel'son E.* Sovremennaya delovaya ritorika. — 2002. — 409 s.
- Aristotel'* Poetika. Ritorika. — Sankt-Peterburg: Azbuka, 2000.
- Blagoy D. D.* Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov: v 2-kh t. / pod redaktsiyey N. Brodskogo, A. Lavretskogo, E. Lunina, V. L'vova-Rogachevskogo, M. Rozanova, V. Cheshikhina-Vetrinskogo. — M.; L.: Izd-vo L. D. Frenkel', 1925.
- Blagoy D. D.* Karamzin i ego shkola // *Blagoy D. D.* Istoriya russkoy literatury XVIII veka: ucheb. posobie. — M.: Uchpedgiz, 1951. — S. 626–675.
- Vershinina N. L.* Osobennosti belletristicheskoy retseptsii povesti N. M. Karamzina «Bednaya Liza» v epokhu 1830–1840-kh godov (idilliko-anekdoteskiy kontrapunkt) // *Karamzinskiy sbornik: Povest' N. M. Karamzina «Bednaya Liza»: problemy izucheniya i prepodavaniya: sb. st. / Ul'yanov. gos. ped. un-t im. I. N. Ul'yanova; otv. red. I. N. Shavrygin.* — Ul'yanovsk, 1999. — S. 29–50.
- Vestnik Evropy.* — 1803. — Ch. VII. — № 3.
- Zhurnal rossiyskoy slovesnosti.* — 1805 — № 3.
- Ippokrena.* — 1799 — ch. IV.
- Karamzin N. M.* Frol Silin, blagodetel'nyy chelovek // *Karamzin N. M.* Moi bezdelki. — M.: Universitet. tip. u Ridigera i Klaudiya, 1794. — Ch. I. — S. 98–106.
- Lebedeva O. B.* Istoriya russkoy literatury XVIII veka: uchebnyk. — M.: «Vysshaya shkola» 2003. — 415 s.
- Orlov P. A.* Zhanr proizvedeniya N. M. Karamzina «Frol Silin, blagodetel'nyy chelovek» // *Russkaya literatura.* — 1976. — № 4. — S. 189–191.
- Orlov P. A.* Russkiy sentimentalizm. — M.: Izd-vo MGU, 1977. — 270 s.
- Priyatnoe i poleznoe preprovozhdenie vremeni.* — 1794. — Ch. I.
- Sipovskiy V. V.* Ocherki iz istorii russkogo romana: v 2-kh t. — SPb.: tip. Spb. t-va pech. i izd. dela «Trud», 1909–1910. — T. I. — Ch. 2 (XVIII vek). — S. 737–739.
- Stepanov V. P.* Povest' Karamzina «Frol Silin» // «XVIII vek»: Derzhavin i Karamzin v literaturnom dvizhenii XVIII — nachala XIX veka. — L.: Nauka, 1969. — Sb. 8. — S. 230, 244.
- Tsvetnik.* — 1810 — № 3.

Данные об авторе

Анастасия Николаевна Кудреватых — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: folkloristica@yandex.ru.

About the author

Anastasia Nikolaevna Kudrevatykh is a Candidate of Philology, Docent of the Department of Literature and Methods of Teaching, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).